Битва За ИСТОРИЮ

Окончание. Начало — в № 25.

ПРУССКИЙ ФЕЛЬДМАРШАЛ Кейт (послан королём Фридрихом II в Полтаву спустя 60 лет после битвы оценить на месте её ход) дал королю заключение: шведы могли бы взять Полтаву, но надеялись осадой привлечь Петра для генерального сражения. Но правильная оценка начального (!) плана Карла скрывает хаос, к которому сползала Полтавская кампания, — вполне в том духе, как описывал сражения Лев Толстой: полная неразбериха, абсурд. В итоге: 20 штурмов с апреля по июнь с потерей более шести тысяч человек, обстрелы Полтавы неподходящими для этого полевыми орудиями, съевшими, однако, последний шведский порох и потому "гордо молчавшими" в решающей битве.

Неизвестный "козак" (из тех 50 000, по сказке Мазепы, только и ждавших взятия Полтавы, чтоб тоже перейти к шведам) в яростной ночной стычке 27 июня, в день рождения короля Карла, ранил его в ступню левой ноги, немало повлияв на ход будущей битвы. Ещё штришок: именно в осаждённой Полтаве всё это время спокойно проживала родная сестра Ивана Степановича Мазепы…

Начавшись, считая от выхода шведов из лагеря, в полночь, Полтавская битва закончилась к 11 часам дня 8 июля. В полдень — торжественное богослужение, в 13:30 начался тот знаменитый пир.

Тут дорога историографии раздваивается. Массовому читателю идут все знаменитые подробности, тост Петра за своих учителей в военном деле… "Кто же это?" — спросил пленный фельдмаршал Реншильд. "Да вы же, господа шведы, — отвечал Петр. — Хорошо ж вы отблагодарили!…" И т.д. А узкоспециальным работам остаётся полемика, попытки рационального истолкования, объяснения: почему бой был прекращён?! Потеряв три тысячи убитыми, семь тысяч пленными, фельдмаршала Реншильда, шведы, "разбитые, как швед под Полтавой", ушли, уведя с собой 2 900 (!) русских пленных. Действительно, крупнейшая победа (следующий фельдмаршал на поле боя взят будет нами аж через 233 года — Паулюс), однако оставшаяся часть шведской армии (20 000, по цифрам Энглунда) потихоньку уходит на юг.

Есть иррациональная черта в характере Петра Великого, впервые мне красочно обрисовал её знаменитый наш скульптор Михаил Шемякин (мы говорили о его проекте памятника петровским "Всешутейшим, всепьянейшим Соборам"): "Представь: произошло сражение, день величайшего физического и нервного напряжения, риск гибели его собственной, династии, государства, и… Буквально сразу Пётр садится писать в Москву "ордер машкераду и огненным потехам": как именно князь-папа Бутурлин, князь-кесарь Ромодановский должны отпраздновать это на Всешутейшем и всепьянейшем соборе, кому какую личину надеть, что нести в руках, какого рисунка должен быть фейерверк…"

Вот оно — историографическое раздвоение: в массовом обиходе — пиры, тосты, "исторические фразы", в узконаучной полемике — вялая перестрелка. Шведские историки (Лильегранд, Энглунд) дадут какое-нибудь истолкование — наши возразят, объясняя трудности преследования "объективно": лесисто-болотной местностью южнее Полтавы, вроде как избирательно действующей на бегущих и догоняющих!

Костомаров, Ключевский объясняли невероятную паузу в битве: "успех вскружил голову Петра" (словно подсказав формулировку "головокружение" другому нашему правителю).

Только в семь часов вечера царь послал войска вдогон за шведской армией. Командовать отрядом он доверил… Уникальный случай: царский "ордер на преследование" даёт возможность узнать и кто сколько на "историческом пиру" пил, и кто как держался. Например, один из наших лучших генералов, Алларт, напился в зюзю и стал задирать шведов, что, вот, тут вам честь оказывают, а когда, например, я попался к вам в плен — со мной обращались отвратительно. Алларт был прав, и многие наши, побывавшие в плену, могли подтвердить это, но на полтавском пиру они, совершенно по-русски, утешали пленных: "Извините, бедняга Алларт сов-вершенно пьян…"

Итак, преследовать Карла и его армию Пётр доверил… генералу Михаилу Голицыну: тот не только воевать, "пить умел" лучше других! На следующий день вслед отправился Меньшиков. У Переволочны они прижали к Днепру остаток шведской армии. Короля переправили, командовать оставили Левенгаупта.

Тут ещё один забытый исторический шедевр. На требование капитуляции прижатый Левенгаупт отреагировал как самый первый шведский демократ! Приказал провести в полках голосование: капитулировать (впервые в шведской истории!) или принять безнадёжный бой, без пороха, в крайнем изможении?

Хроники сохранили реакцию "благодарных солдат", впервые в истории "получившие право голоса". Отвечали они с самой крайней степенью ненависти: "Раньше-то нас никогда не спрашивали!" Простой инстинкт показал им "Уловку демократии №…" — свалить ответственность за капитуляцию.

А Карл с гетманом достигают "берега турецкого" в лице конкретного берега реки Буг. Там Очаков, Абдурахман-паша, здесь — русская погоня. Секретарь короля Клинковстрём умоляет пустить. Паша разводит руками — нельзя, надо ждать инструкций. Из Стамбула.

Но в свите Карла Стас Понятовский (кто сказал, что поляки совсем бесполезны?!) соображает лучше прямолинейного шведа. Бакшиш в две тысячи дукатов заменяет инструкции.

Так, начиная от манёвра Мазепы и Карла 1708 г. абсурд и хаос, словно гангрена, расползаются на всю войну, всю Восточную Европу.

1711 г.: Пётр совершает самый безумный Прутский поход на Турцию. Чудом спасши себя, армию, страну, комментирует в своём стиле: "За Прутский поход я заслужил 100 палок… но получил только 50!"

1713 г.: Карл "обгоняет" Петра, с 40 драбантами открыв мини-войну приютившей его Турции: "калыбалык в Бендерах"!

1715 г.: вернувшись в Швецию, Карл странен — более чем… Не заезжает в Стокгольм, и в оставшиеся три года жизни (в его значении — войны), он, безусловно, храбрейший монарх мира, словно боится России, уже взявшей Финляндию, чьи десанты вскоре дойдут почти к Стокгольму. Но Карл выбрал себе "войнушку" как можно дальше — Норвегия! Где и гибнет.

Игорь ШУМЕЙКО

Дмитрий ФУРМАНОВ. Фото 1920-х годов.

Владимир БУШИН

ФУРМАНОВ И ЧАПАЕВ

Антисоветчикам неймётся

С ДЕТСТВА, конечно, знаю писателя Дмитрия Фурманова, его знаменитый роман "Чапаев" и ещё более знаменитый, великий одноимённый фильм братьев Васильевых. Разве забыть, как в 1934 году мы с приятелем Васькой Акуловым раз пять ходили его смотреть в надежде, что не утонет Василий Иванович, не зря он, вымахивая саженками против волн, твердит: "Врёшь, не возьмёшь!" Выплывет!.. Но нет, утонул Василий Иванович… И каждый раз мы выходили из кинотеатра "Третий Интернационал", что был на Басманной, в слезах… Ах, как давно это было…

А то, что я только теперь узнал славное имя другого Фурманова — Рудольфа Давыдовича, народного артиста ельцинской России, руководителя Ленинградского театра им. Андрея Миронова, можно объяснить только моей плохой осведомленностью в подробностях театральной жизни. Отчасти это объясняется, может быть, и тем, что долгие годы Рудольф Давыдович играл роль, которую когда-то при Маяковском достойно выполнял, по выражению поэта, "тихий еврей, Павел Ильич Лавут". Он организовывал многочисленные поездки поэта по стране и его выступления. Вот и не очень тихий, как увидит читатель, Рудольф Давыдович с 1958 года по 1988-й — тридцать лет! — тоже был организатором гастрольных поездок, но не одного, а многих артистов: Николая Симонова, Георгия Товстоногова, Аркадия Райкина, Андрея Миронова, Евгения Леонова, Иннокентия Смоктуновского… Но кто сейчас знает Лавута, если даже при Ельцине посмертно ему тоже не дали звание народного артиста?

Р.Д. Фурманов предстал передо мной в беседе с Андреем Углановым, главным редактором еженедельника "Аргументы недели", напечатанной там не так давно — 24 мая. Беседа содержательная, порой такое впечатление, что над собеседниками витает дух Жириновского.

Она начинается с довольно странного вопроса: "Если бы был вы жив Андрей Миронов, он вписался бы в эту новую страну?" Рудольфа Давыдовича не смущает такой гадательный вопрос о покойном друге, он даёт ответ в повествовательном виде: "Вспоминаю наши поездки (вероятно, те самые, что упомянуты выше. — **В.Б.**), особенно в Волгоград, когда нас встречал обком парии. Угощали чёрной икрой, возили по Волге. Для Миронова это было отвратительно. Так думали и мои близкие друзья".

Ну, если так, то для Миронова, Фурманова и их близких друзей было бы вполне естественно сказать секретарю обкома: "Уважаемый товарищ, ваша чёрная икра нам поперёк горла! Дайте нам кабачковую. И отвратительно нам кататься по Волге в роскошных теплоходах! Дайте нам байдарки"… Почему-то так не сказал ни Рудольф Давыдович и никто из его многочисленных близких друзей. Что, страх сковал вещие уста? Судя по рассказу, все служители Мельпомены продолжали уплетать чёрную икру, может быть, и морщась при этом. А теперь вот один из народных икроедов рисует нам картину поруганного благородства, будто в такие поездки бесчеловечная Советская власть отправила их силой, и секретари обкомов партии — упыри! — принудительно кормили тонких интеллигентов чёрной, как совесть лжеца, икрой.

СИКРЯНЫМ СЮЖЕТОМ связан в беседе сюжет наградной. Рудольф Давыдович уверяет, что за несколько дней до смерти Георгий Товстоногов при нём говорил покойному писателю Даниилу Гранину: "Меня мучает совесть… Даниил Александрович, как быть? Я лауреат Сталинской премии первой степени (100 тысяч рублей. — **В.Б.**) за спектакль "Искры". Как быть?"

Тут много загадочного. Во-первых, известная когда-то пьеса Ш. Дадиани называлась не "Искры", а "Из искры…". Почему постановщик спектакля путает её название? Во-вторых, Гранин будто бы ответил: "Откажитесь". Неужели Г. Товстоногов сам не мог додуматься до этого? Действительно, если пьеса вдруг так тебе отвратительна, и вдруг тебе стало так стыдно, что ты её поставил и получил премию, то надо отказаться. Но ещё лучше было бы и вовсе не брать. Зачем сцапал? Ведь эта Сталинская премия — 1950 год, режиссёру было 35 лет. Не мальчик, должен соображать, что тебе хотят всучить в красивой упаковке. Совесть же вдруг стала мучить Товстоногова за этот спектакль о Сталине, уверяет Фурманов, лишь в 1989 году — через сорок лет. Не стал ли спектакль так отвратителен для режиссера, а премия столь постыдна, не стало ли ему страшно именно по причине приближавшегося контрреволюционного переворота? Иначе говоря, не стоим ли мы перед фактом заурядного лицемерия и шкурничества? Не исключено. Следовательно, возможно…

В-третьих, почему режиссёра мучает совесть только за одну Сталинскую премию? Ведь у него было их две. А чем лучше теперь его Ленинская премия? Такая же ядовитая чёрная икра. Да ещё две Государственных. А три ордена Ленина? А Золотая Звезда Героя? Это всё те же принудительные угощения, которые Советская власть ложками впихивали в рот возвышенным интеллигентам. И странно, в-четвёртых, почему Гранин не напомнил другу о всех его наградах. Ещё более странно, в-пятых, почему Даниил Александрович не посоветовал не только отказаться от всех советских наград, но и вернуть государству их финансовый эквивалент. Да и самому хорошо бы сделать это. Как было бы благородно! Какой бы вдохновляющий вой поднялся бы во всём демократическом мире по обе стороны Атлантики! Увы, мы этого не дождались.

А ведь находились среди советских людей, среди коммунистов, честные люди, которые отказывались от ельцинских наград: писатель Ю.В. Бондарев, министр А.А. Ежевский, академик А.А. Трофимук, генерал Л.Я. Рохлин… Между прочим, и Солженицын отказался, правда, как всегда, "не по лжи" — ордену и премии предпочёл дачу, вернее, целое поместье на территории столицы, в Троице-Лыкове.

И ещё Товстоногов будто бы сказал: "И Евгений Лебедев получил премию за образ Сталина, по приказу которого расстреляли моего отца и родителей Жени". Ну, Лебедев тоже получил не только Сталинскую премию, а много и другого: Ленинскую премию, звание народного артиста, Государственную премию, Золотую Звезду Героя. И тут не лишним будет заметить, что горькая судьба родителей не помешала блистательной театральной карьере обоих артистов и обилию их наград.

Примечательно и то, что когда в публикациях такого рода заходит речь о репрессиях, то они, так сказать, по умолчанию считаются, конечно же, совершенно несправедливыми, разумеется, абсолютно беззаконными — об этом, дескать, и говорить нечего! Но надо бы подумать: если сейчас всплыло столько лютых антисоветчиков даже среди тех, чьи родители не только не пострадали, но и прожили более чем благополучную жизнь, то разве удивительно, что в двадцатые-тридцатые годы врагов было уж никак не меньше. Разумеется, никто не имеет права сказать что-то плохое о родителях Товстоногова и Лебедева, но нет оснований отрицать, что и они могли оказаться в конфликте с властью и законом. Или большой талант их сыновей можно считать свидетельством невиновности родителей? "Сын за отца не отвечает…"

ВЛАДИМИР СТАРЦЕВ, старший помощник прокурора Ленинградской области (это от вас, Рудольф Давыдович, от ленинградца, недалеко, можете наведаться) рассказывает: "В последние годы пошёл вал обращений в судебные органы от детей репрессированных граждан. Они просят признать их родителей реабилитированными, т.к. в таком случае им полагается ежемесячное социальное пособие в размере 800 рублей. Мы поднимаем дела из архивов, и во многих случаях оказывается, что эти родители были расстреляны или сидели в лагерях в советское время не просто так: кто-то получил срок за грабёж и воровство, кто-то служил старостой при немцах, сотрудничал с ними… Дети только теперь узнают о своих родителях правду, и для некоторых это настоящий шок. Я в своё время сам помогал четырём знакомым разыскать информацию об их родителях. Потратили кучу времени и денег на обращения в архивы. И выяснилось, что у одного бабка села не "за то, что была дочерью царского офицера", как считал внук, а за то, что, будучи бухгалтером на заводе, украла из заводской кассы деньги. У другого дед сел не "за анекдот про Сталина", а за участие в групповом изнасиловании. У третьего дед оказался не "раскулаченным честным крестьянином", а получившим "вышку" за убийство целой семьи (мужчины, женщины и двух детей-подростков). Это все дела уголовные. И только у одного дед оказался политическим осуждённым. Но, опять же, не "за анекдот про Сталина", а за то, что во время войны был полицаем и работал на немцев" ("Советская Россия", 31 мая 2018 г.). В ряду подобных фактов не покажется невероятным, что талантливый писатель В.А., прочитав весь материал дела своих репрессированных родителей, признался: "Да я и сам расстрелял бы их!"

А Наталья Давыдовна Старосельская спрашивает в интернете: "Мог ли отец Товстоногова, министр царского правительства, уцелеть в Петрограде в 17 году?" Она уверена, что не мог. Мадам ошибается. Вполне "уцелели" даже все министры Временного правительства последнего состава, прямые и непосредственные враги большевиков, которых они свергли. После кратковременного ареста их отпустили на все четыре стороны, и половина состава эмигрировала, половина осталась на родине. Почти все дожили до почтенной старости. Таковы факты, подробности которых любознательный читатель может найти в книге любившего точность Вадима Кожинова "Россия. Век XX" (2001).

Да, время было трудное и закон суров. Например, перед войной был запрещён самовольный переход с одного предприятия на другое, а за опоздание на работу на двадцать минут могли несколько месяцев часть зарплаты отчислять в пользу государства. Но в советское время невозможно было, например, выселить человека из квартиры, несмотря на то, что квартиры в большинстве своём государство давало бесплатно. А сейчас есть закон, по которому за неуплату могут вышвырнуть на улицу любую семью, будь в ней хоть десять малых ребятишек. И в интернете даются объявления: "Как выселить человека из квартиры — основания и порядок", "Поможем выселить — бесплатная консультация" и т.п. Dura lex…

Тот факт, что Г. Товстоногов и Е. Лебедев, родители которых были репрессированы, приняли Сталинские премии, Фурманов объясняет их страхом. С ужасом сунули они себе эти первые сто тысяч и потом, принимая премии, ордена, Золотые Звёзды, умирали от страха. Фурманов может всё это изобразить и на сцене своего театра, дайте срок. Но в действительности это, как и многое другое в беседе, думаю я, непристойная выдумка, это личный взгляд самого Рудольфа Давыдовича, и только. Гораздо более правдоподобно и естественно, что ни тот, ни другой, в отличие от Фурманова, вовсе не считали, что родители расстреляны по личному приказу Сталина. Да кем же был бы Лебедев, если считал, что играет роль убийцы своего отца! Это вздорный поклёп, брошенный на могилу большого артиста. Сталин не мог и не должен был хотя бы только следить за всеми судебными делами огромной державы в такое бурное время. С другой стороны, сам же Фурманов рассказал, что знаменитый артист Николай Черкасов обращался к Сталину с просьбой разобраться в деле некоторых осуждённых; Сталин давал указание, и их освобождали. Что, это были тоже те, кого сам он и приказал посадить?

Но пока из ответа Фурманова мы узнали, что, по его мнению, покойный Андрей Миронов относился к Советскому времени, как к обкомовской чёрной икре: вкушал, пользовался благами власти, но хаял её. Да, так считает его друг. Но ведь собеседник спрашивал не об этом, а об отношении Миронова к "новой стране", к нынешнему времени. И вот ответ: "Андрей Миронов вписался бы в эту жизнь, вписался, но жил бы по-другому — по правилам чести, доброты и порядочности". "По-другому", чем кто? Чем очень многие ныне, правда? Действительно, при нынешнем режиме жить по правилам чести чрезвычайно трудно, режим разлагает нравственность.

ПРИВЕДУ несколько фактов и цифр, понятных любому артисту и даже суфлёру. В 1914 году перед войной в России было 106 тыс. школ начальных и 4 тыс. школ средних (гимназии и реальные училища); в Советском Союзе в 1940 году перед войной, соответственно, — 192 тыс. и 65 тыс. Грамотность в эти же сроки в царской России — около 10%, в Советском Союзе — сплошная. Что в "новой" России? За 18 лет последних лет исчезло около 25 тыс. деревень и 26,3 тыс. школ, т.е. каждый год исчезало почти по полторы тысячи того и другого. "Вперёд, Россия!"

Так же, как неграмотность, в Советском Союзе ещё раньше была ликвидирована безработица. Сейчас Росстат выражает робкую надежду на снижение общего числа безработных в стране до 3 млн 800 тыс. Сразу после самой ужасной в Истории войны в 1945 году в СССР оказалось 678 тыс. детей-сирот. И все они были устроены, выросли достойными гражданами Родины, как Николай Губенко. Сейчас в стране, не пережившей ничего подобного Великой Отечественной, 850 тыс. сирот, причём 760 тыс. из них — дети, брошенные родителями. В некоторых городах даже установлены на улицах люльки для подкидышей, которые сразу нарекли на американский лад — "беби-бокс". И это в стране, где президент и премьер-министр по всем праздникам стоят в церквах и возносят молитвы о благоденствии народа, где даже не очень, думается, грамотный в церковных делах старец Владимир Иосифович Ресин неустанно занимается насаждением православных церквей в шаговой доступности. "Вперёд, Россия!"

В Советское время о миллиардерах мы только читали в книгах. При Ельцине выросло 7 штук паразитов, а теперь их — 96.

А вот один из последних вопиющих фактов нынешнего "прогресса" — "Декларация учёных Российской академии наук", которую подписали уже около ста человек, и подписание продолжается. Ведь уже не раз учёные обращались лично к Путину, протестовали, взывали к разуму. И вот опять: "Власть целенаправленно и последовательно уничтожает науку в стране… Нет свободы, нет творчества… Власть обрекает страну на интеллектуальную изоляцию… Это вызовет в ближайшее время интенсивную эмиграцию научной молодёжи… Власть должна забыть о декларируемых технологических прорывах…Учёные Российской академии наук никогда не согласятся с положением крепостных при любого сорта бюрократах". Вот ведь до чего дошло — до крепостных… Да, это лишь один из последних подобного рода фактов антинародной русофобской политики.

И вот Рудольф Давыдович Фурманов сообщает нам: его добрые друзья Михаил Боярский, Сергей Безруков, Василий Лановой, Юрий Соломин и Валерий Гергиев, — "все они вместе со мной являются доверенными лицами президента Владимира Владимировича Путина; доверенные лица — значит, мы идём шаг за шагом вместе с президентом". Да, шаг за шагом… Неужели и Павка Корчагин?

Вы, артисты, тонкие души, проницательные умы, — доверенные лица режима, основанного на лжи, и он был таким с самого начала. Вспомните первые лозунги Горбачёва.

"Ускорение!" И наш разумный народ думал, что речь идёт об ускоренном развитии экономики, хозяйства, культуры. А оказывается, реформаторы имели в виду прямо противоположное — разрушение всего этого.

"Новое мышление!" И наш чистосердечный народ считал, что речь идёт об отмене каких-то замшелых идеологических догм. А оказалось, у них за этим стояло намерение охаять Советское время и одновременно разукрасить, припудрить царское.

"Больше социализма!" Наш доверчивый народ был убеждён, что речь идет об углублении и обновлении социализма. А оказывается, они имели в виду его полное уничтожение.

Да, вы вместе с руководством — шаг за шагом… Вспомните указ о неприкосновенности государственного преступника Ельцина, а потом — почитание его как национального героя. Вы и ваши доверенные друзья, Рудольф Давыдович, не считаете, что Ельцин преступник, вы уверены, что его звонок из Беловежской пущи американскому президенту — "Ваше превосходительство, Советского Союза больше нет, задание выполнено!" — это была несколько неуклюжая шутка.

Следующий шаг — признание, что приватизация была чудовищным, невиданным в истории ограблением народа, но отмены её не будет.

Вы рассказываете, например, что какая-то безымянная женщина продавала роскошную старинную люстру. Вы, большой любитель старины, спросили, откуда у неё такая люстра. Она ответила: "Я племянница генерала Чуйкова…" Едва ли племянница могла так сказать, ибо уж она-то наверняка знала и гордилась тем, что Василий Иванович Чуйков был маршалом. "Она рассказала, что в 1918 году, когда Чуйкову было 18 лет, бегали они (кто? — **В.Б.**) по квартирам и люстру реквизировали. Те вещи, которые он, дядя, надыбал (Одесса-мама? — **В.Б.**), я теперь продаю". Увы, Рудольф Давыдович, едва ли и это она могла вам сказать, ибо в восемнадцать лет Василий Чуйков был курсантом военного училища, жил, естественно, в казарме и на кой чёрт была ему там эта люстра. Мало того, тогда же курсантов этого училища ещё и на Южный фронт бросили… По вашему разумению, мог, конечно, хапнуть для продажи, но вот не продал же, оказывается, по вашему рассказу, а всю жизнь берёг и оставил по наследству безымянной племяннице. Так что свою попытку оболгать героя и маршала, похороненного в Сталинграде на Мамаевом кургане, съешьте сами с вашими доверенными. И подумали бы вы, Рудольф Давидович, что такое рядом с этим человеком вы со всей вашей требухой.

А КАК МНОГО говорит о вас, Рудольф Давыдович, ещё и такой ваш пассаж из серии "Россия, которую мы потеряли": "Я как артист представил себе особняк Кшесинской, из спальни которой сделали кабинет Ленину". Почему же — "из спальни"? В этом роскошном дворце были более подходящие для кабинета апартаменты. Но надо бы знать, артист, если пишешь, что никакого "кабинета" у Ленина тогда не было. Приехав из Швейцарии в Петроград 3 апреля 1917 года, Владимир Ильич и Надежда Константиновна жили на квартире сестры Ленина, Анны Ильиничны, и её мужа, Марка Тимофеевича Елизарова. Можете прогуляться: Петроградская сторона, ул. Широкая, дом 48/9. Можете и в квартиру, если пустят, заглянуть: 24. Там Ленин жил до первых дней июля, когда 7 числа было опубликовано постановление Временного правительства о его аресте. Задумались бы вы хоть над этим фактом: Временное правительство намерено арестовать и судить Ленина, а Ленин, как упомянуто выше, всех членов этого правительства отпускает на свободу.

Но вы вместо полезного раздумья продолжаете слёзные сострадания Матильде Кшесинской: "Я себе представил: старушка, дворянка…" Какая "старушка"?! Она пребывала тогда в фазе, именуемой, согласно поговорке, "ягодка опять". Да, в 1917 году Матильде Феликсовне Кшесинской было 45 лет. И происходило тогда, как свидетельствуют источники, вот что. В начале февраля 1917 года обстановка в Петербурге накалилась. Полицмейстер генерал Галле посоветовал балерине уехать, поскольку ожидались беспорядки, а её дом в самом начале Каменноостровского проспекта подвергался наибольшей опасности. Кшесинская уехала в Финляндию, но вернулась, и 22 февраля дала обед. Это был последний приём, который балерина провела в этом доме. 26 февраля ей опять позвонил заботливый генерал Галле и велел спасать ценности. Сама Кшесинская вспоминала: "Когда я взглянула вокруг себя на всё, что было у меня драгоценного в доме, то не знала, что взять, куда везти и на чём, когда кругом уже бушует море. На следующий день, в понедельник 27 февраля, с каждым часом становилось всё тревожнее. Всё, что было более драгоценного и что попадалось мне под руку, я уложила в небольшой ручной саквояж, чтобы быть готовой — на всякий случай". 27 февраля, в день, когда всеобщая забастовка в Петрограде переросла в вооружённое восстание, Матильда Феликсовна покинула своё роскошное обиталище навсегда. Правда, пыталась вернуть особняк, но Керенский был не лучше нашего Чубайса: вернули только один из двух автомобилей. Помните, как Чубайс сулил нам две "Волги" за один ваучер. Так мы ничего не получили, а Кшесинской всё-таки одну из "чубайсовских" машин вернули. И было это всё, как видите, ещё до Октябрьской революции, до большевиков во власти.

Между прочим, ставший знаменитым особняк она получила не от Николая, как думают многие, а от великого князя Андрея Владимировича. Тот, что от Николая, гораздо скромнее, она продала, переезжая в новый, Андреевский. Что поделаешь, была у балерины слабость: обожала великих князей Романовых и умела вытанцовывать у них особняки. А ведь ещё с 1912 года во Франции имела она ещё и виллу. Так что туда она и махнула из России. Там уже на свои трудовые содержала ещё одного какого-то великого князя.

А Фурманов продолжает, как ныне говорят, "кошмарить" большевиков: "Открывается дверь, врываются немытые люди и всё крадут. Она, старушка, всё собирала: картины Рафаэля, Тициана, — а они штыками им в глаза. Эти люди — бандиты…" Рафаэль Давыдович, извините, но вы, именно вы, народный артист, производите впечатление давно немытого бандита, ворвавшегося на страницы "Аргументов недели". В городе, где вы живёте, есть знаменитые на весь мир Русский музей, Эрмитаж? Если вы, артист, побывали бы там хоть разок… В роскошном дворце Кшесинской не было ни Тициана, ни Рафаэля, ни других хотя бы только известных художников, а вот в Эрмитаже есть и тот, и другой. Сходите, постойте молча хотя бы десять минут у "Мадонны Конестабиле" ("Мадонны с младенцем") Рафаэля. Вдруг поможет, вдруг — "выпрямит", как у Глеба Успенского когда-то Венера Милосская "выпрямила" сельского учителя Тяпушкина?

Есть в Эрмитаже и Рембрандт, и многие другие величайшие художники мира. И всё это, как и памятники Петру, Екатерине, Николаю Первому, как и прекрасные величественные соборы, всё это сберегли и в мирную пору, и в дни страшной блокады те самые простые русские люди, которых вы, Рудольф Давыдович, сытый и гладко бритый, называете бандитами, которые, мол, всаживали штыки своих винтовок в глаза героев полотен Рафаэля, Тициана, Рембрандта… А "Данаю" Рембрандта видали? Незадолго до ельцинско-путинской поры, как её предвестник, явился в Эрмитаж литовец Бронюс Майгис и дважды саданул ножом, а потом облил серной кислотой этот шедевр великого художника. Тогда ещё по советскому милосердию и по соображениям антирусского интернационализма дикаря объявили душевнобольным и никак не наказали. А я думаю, никакой он не больной: хватило же ума и подготовить всё, что требовалось для злодеяния, и выбрать подходящий момент для него. Я думаю, этот Майгис — просто человек, начитавшийся таких авторов, как вы, Рудольф Давыдович, и впитавший вашу злобу к нам.

Что же в итоге? Интервью-то ваше невелико, но вы, пользуясь тем, что давно умерли и маршал Чуйков, и великий режиссёр Товстоногов, и замечательный артист Лебедев, а недавно умер и писатель Гранин — свидетелей нет! — вы попытались опорочить умершего маршала, героя Великой Отечественной войны, спасшего вас; вы, не имея никаких оснований, приписали известным артистам свою ненависть к Советскому времени, когда вы катались, как сыр в масле, а заодно и к Сталину…

Однажды, терпеливо выслушав не шибко дельные военные советы кого-то из своих сослуживцев, Василий Иванович Чапаев сказал: "На всё, что вы тут говорили, надо наплевать и забыть". Я думаю, господин Фурманов, то же самое сказал бы Чапаев и о вашей беседе с Углановым.